

А. Купринъ.

О жестокости.

Въ одномъ мѣстѣ своей прекрасной книги «Тактика» замѣчательный военный писатель, покойный генералъ Драгомировъ, съ мудрой осторожностью рассказываетъ о томъ, что бываютъ на войнѣ (изрѣдка) и такіе,—увы!—неизбѣжные случаи, когда приходится встрѣчать огнемъ свою же часть, бѣгущую отъ огня непріятеля (къ счастью въ исторіи русской арміи такихъ случаевъ мы не знаемъ). И въ заключеніе онъ, точно со вздохомъ, приводитъ слова одного французскаго генерала, подавлявшаго въ Африкѣ возстаніе арабовъ:

«Страшно становится, когда подумаешь о томъ, на что можно отважиться на войнѣ».

Въ этихъ желѣзныхъ словахъ есть жестокая логика и неумолимая правда войны, которая состоитъ въ разрушеніи всѣхъ человѣческихъ правилъ, которая перешагиваетъ черезъ доводы повседнежнаго разсудка, которая отметаеъ, какъ соръ, съ своего краснаго пути всѣ накопленныя міромъ драгоценности: радость житія, доброту, жалость, красоту отношеній... Война перетасовываетъ въ нѣсколько дней всѣ наши понятія—бѣлое дѣлаетъ чернымъ, голубое—пурпуровымъ.

Убийство, воровство, грабежъ, поджогъ, предательство, обманъ,—всѣ эти въ мирное время такія опасныя, презрѣнныя и преступныя явленія вдругъ становятся на войнѣ не только возможными, допустимыми, неизбежными, но порою прямо даже героическими.

Мы, съ истерическимъ содроганіемъ убѣгавшіе, чтобы не видѣть, какъ кухарка рѣжетъ цыпленка, мы свыкаемся съ мыслью

о необходимости ужасовъ проволочныхъ загражденій, волчьихъ ямъ, камнемётныхъ фугасовъ и пулеметовъ, и развѣ мы, читая въ газетахъ о десяткахъ тысячъ людей, погибающихъ въ одинъ день, въ одномъ большомъ сраженіи, не говоримъ:

Да, все это ужасно, но логично.

Развѣ, вопреки нашему обычному, мирному разуму, мы не соглашаемся съ тѣмъ, что можно и нужно, ведя войну, захватывать чужіе города и объявлять ихъ своею собственностью, выпускать чужія фальшивыя ассигнаціи, отбирать и, если понадобится, даже силою, для нуждъ арміи частное имущество, сжигать по стратегическимъ соображеніямъ деревни и города, обманывать врага ложными устными и газетными извѣстіями, оплачивать предательство?

Развѣ не настоящими исполнителями терпѣнія, самоотверженности, присутствія духа и безграничной любви къ родинѣ представляются теперь для насъ, такъ брезгливыхъ всегда къ сыску и шпіонажу, тѣ офицеры японскаго генеральнаго штаба, которые изъ святыхъ патріотическихъ побужденій служили бойками, прачками, носильщиками, чистильщиками сапогъ, рикшами,—служили въ чужой, враждебной странѣ, терпя униженія, брань, побои, всегда на волосокъ отъ позорной, наглой смерти?

А развѣ не жестоки случаи разстрѣла трусовъ и бѣглецовъ. Во всякой даже самой дисциплинированной арміи найдутся на первыхъ порахъ люди, которые по душевному складу, по особо нервной организаціи, наконецъ, благодаря внезапному безумію, не смогутъ противостоять ни разумомъ, ни волей животному, паническому страху. Вѣдь смѣлость и храбрость далеко не общее достояніе, и труса мы склонны въ мирное время свысока пожалѣть или пренебрежительно посмѣяться надъ нимъ. Но важность примѣра и неумолимыя требованія военной дисциплины гасятъ въ настоящемъ военачальникѣ голосъ сердца. И судить ли намъ человѣка, осуждающаго въ теченіе четверти часа, иногда пяти минутъ, даже секундъ на неизбѣжную смерть своего ближняго, своего брата.

Наконецъ, на войнѣ, всегда безконечно разнообразной и многогранной, могутъ быть изрѣдка и такіе ужасные случаи, когда сравнительно небольшой отрядъ, непомѣрно обремененный плѣнными и въ то же время исполняющій назначеніе громадной важности, можетъ очутиться въ такомъ безвыходномъ положеніи, когда передъ нимъ встаетъ неотвратимый вопросъ: что предпочесть — обычное ли, живущее въ душѣ, врожденное милосердіе, или собственную гибель, и съ нею, что еще главнѣе, гибель припятаго на себя дѣла, пмѣющаго въ данную минуту огромное, рѣшающее значеніе? И военачальникъ, власть котораго безгранична и отвѣтственность безмѣрна, можетъ быть, съ безконечной болью въ душѣ, — съ болью, которой не представить себѣ никогда мирное воображеніе, приходитъ къ кровавому, но неизбѣжному рѣшенію.

Это то, что можно даже въ самой жестокой войнѣ назвать самой жестокой изъ жестокостей.

Но то, что сейчасъ дѣлаютъ германцы и о чемъ мы говоримъ ежесекундно, въ домахъ, въ ресторанахъ, въ избахъ, на площадяхъ и на улицахъ, — это вовсе не жестокость и не повальное, какъ полагаютъ иные, стихійное, садическое безуміе, несущееся въ пропасть, мракъ, въ кровь и въ грязь, а нѣчто болѣе непонятное и болѣе ужасное, чѣмъ безуміе, болѣе отвратительное, чѣмъ подлость и, несомнѣнно, въ послѣдствіи болѣе гибельное для Германіи, чѣмъ правильная война.

Надо вообразить себѣ не гнѣвъ, а холодную злобу, бѣшеную и расчетливую, облеченную высокою техникой и великолѣпной внѣшней культурой и въ то же время сознательно топчашую въ прахъ и разрушающую до основанія все, чѣмъ гордится истинный человѣческій прогрессъ, созданный геніями мысли, учителями добра и служителями красоты. Вообразите себѣ кроваважность, какъ мѣру, введенную въ строгую систему.

Насиліе надъ женщинами и убійство дѣтей, какъ кабинетный способъ обезкровливанія дочиста враждебной страны.

Поджоги, разгромы и добиваніе раненыхъ, какъ механическій рецептъ устрашенія.

Глумленіе надъ, ни въ чемъ неповинными людьми, толчки, плевки, кулаки, приклады и мерзости, какихъ не предвидѣлъ ни одинъ знатокъ сексуальной психіатріи, какъ законъ моральнаго воздѣйствія, законъ, предписанный свыше людьми безграничной власти, высокаго образованія и рѣдкой религіозности!

Нѣтъ, видимо самъ Богъ отступился отъ страны, покаравъ ее этимъ неизлѣчимымъ, злобнымъ, хитрымъ и холоднымъ сумасшествіемъ.

И слѣдуетъ помнить намъ всѣмъ точно и твердо, что никогда еще проявленіе безмѣрной и безумной жестокости не дѣйствовало устрашающимъ образомъ на воиновъ, идущихъ сознательно и спокойно въ защиту своей родины, идущихъ не съ тѣмъ, чтобы умереть или побѣдить, а съ тѣмъ, чтобы побѣдить. Не надо вовсе быть пророкомъ, чтобы предвидѣть, что змѣя кончитъ тѣмъ, что начнетъ пожирать самое себя, истекая бѣшеной слюной и кровью.

Надо помнить еще, что Германія съ ея вѣжливыми саксонцами и добродушными мюнхенцами состоитъ не изъ одной только Пруссіи, которой и въ Германіи не терпятъ.

И, конечно, наступитъ время, когда Россіи придется быть безпощадно жестокой, но жестокой не въ избіеніи стариковъ, женщинъ и младенцевъ, а въ неумолимости своихъ требованій ради того, чтобы на нѣсколько сотъ лѣтъ, если не навсегда обезпечить землѣ миръ, одной изъ хранительницъ котораго будетъ возвеличенная Россія.

А передъ скорбью тѣхъ отцовъ, женъ, невѣстъ и сестеръ, чьи сыновья, братья и возлюбленные пали первыми святыми жертвами необузданной германской жажды крови, мы тихо, благоговѣйно склонимъ обнаженные головы. Ихъ скорбь — наша скорбь. И если Богу угодно будетъ дать намъ побѣду — побѣда будетъ отмщеніемъ за мученическія тѣни.
